

Говорят свидетели

*(Сценические чтения патриотических текстов,
посвященные 80-летию Победы)*

Слайд 2

*Звучит музыка на фоне памятника фашизму в Берлине.
Архитектурный танец «Война». Рук. Ефимова З.Ю.
Звучит взрыв бомбы, и звучат сирены.*

На сцене темно. Луч прожектора высвечивает только фигуры чтецов

Слайд 3

Соня Л.:

Июнь. Рассвет. Река изломом.

Туман над лесом. Тишина.

Снаряд. Разрыв. И с неба громом:

«Сегодня началась война...»

Нельзя сказать: «Ее не ждали...»

«В нее не верили...» — точнее.

С Москвы на дачи выезжали,

В реке ловили окуней...

Толпа растерянно стояла,

Галдели громко пацаны,

Будил всех голос Левитана:

«Без объявления войны...»

Мне скажет кто-то — все не ново,

Давно не та уже страна.

Но в памяти живут три слова:

«Сегодня началась война...»

Д. Попов

Дима А.:***Пулемётчик Владимир Черёмушкин:***

День 22 июня 1941 года намечался быть праздничным. Когда-то в этот день родилась наша дивизия, и мы усиленно готовились к праздничному параду. Жили в лагерях. По опыту старослужащих знали, что утром 22 июня нас должны поднять по тревоге, потом кросс. Утренняя зарядка, парад и приятные увольнения в город. Нам выдали новенькие гимнастёрки. Ещё с вечера я переложил свой комсомольский билет из старой гимнастёрки в новую.

Всё случилось, как ожидали, — тревога, быстрый подъём. Надеваю старую гимнастёрку, чтобы не пачкать белоснежный воротничок. Выбегаем на зарядку, только вместо неё — построение на плацу. От центрального поста тревожный шепоток — война. Ничего не понимая, едем в Москву. Здесь митинг. Командир дивизии генерал П. Артемьев объявил о начале войны. У меня подкосились ноги, вспомнил о комсомольском билете. Вдруг сейчас на фронт, а я без документов. Прибыли в лагерь, а здесь уже гимнастёрки новые собрали. Сколько я их перебрал, но билет нашёл!

Петя П.:***Полковник Яков Кан***

В июне 1941-го наш полк выехал в Красное Село в лагерь. Было так принято — выезжали в летний лагерь, где проходили боевые смотры. Мы находились в Красном Селе. Узнали о начале войны из объявления по линии командования: подняли нас по тревоге, сообщили, что началась война.

Мог ли я это предвидеть? Что может лейтенант прогнозировать? Другое дело — командующий состав...

Но мы чувствовали тяжёлую обстановку и напряжение во взаимоотношениях с Германией. Тем более была проба сил в Финской войне, присоединении Прибалтики — развёртывание военных действий не на территории Советского Союза. Поэтому мы знали, чувствовали, что будет война. Но

когда — не знали. А всё началось внезапно. Первая мысль — как командира — конкретная задача: сформировать своё подразделение, как положено по времени, и выехать — обеспечить связь всем частям, которые выступают на фронт. Был патриотический настрой — защищать Родину

Слайд 8

Настя Д:

легендарная регулировщица Дороги жизни Вера Рогова

Тогда я жила в посёлке рядом со Стрельной, и мы с 11-летним племянником воскресным утром собирались поехать в Ленинград, чтобы купить продукты для моей мамы, которая тогда болела. Мы пошли на вокзал, ждём электричку, и тут объявляют в репродуктор, тогда это были такие большие чёрные "тарелки". Все верили, что это будет недолго, что война быстро закончится..."

3

Слайд 9

Алиса К.:

Труженица тыла Людмила Базина

22 июня 1941 года — один из самых чёрных дней в нашей жизни. О начале войны я узнала утром: в шесть часов Левитан объявил по радио, что на нас напала фашистская Германия. Папу взяли на фронт защищать Москву. Школу я окончить не успела и в 15 лет пошла работать в сормовскую артель "Швейник" ученицей портнихи. Шила бельё для Красной армии.

Рената И.:

Слайд 10

Наталья Сергеева:

Я очень хорошо помню этот проклятый день. Все еще живы! Папа, брат, мама, бабушка... У меня день рождения. В 41-м мне исполнилось 17. С утра получала подарки. Новое платье в синий горох и туфли. Впервые в жизни я надела туфли на каблуках. «Ты теперь совсем взрослая!» — папа принес букет. Он был очень красивый, этот первый подаренный мне букет.

Слайд 11 С утра крутилась у зеркала, завивала волосы. Вечером ждали гостей.

Бабушка испекла пирог. Решили почаевничать по-семейному. Вдруг стук в дверь. И все оборвалось. Соседи кричат: «Война! Включите радио!» Все вскочили. Мама разбила чашку... С тех пор я не отмечаю день рождения...

Слайд 12 **Песня « Это просто война» - ученицы 11 классов**

Вика М.:

Слайд 13

Филимонова Валентина Петровна, п. Добринка, Воронежская область

В июне началась война. Вскоре началась мобилизация на трудовой фронт. Молодежь отправляли копать противотанковые сооружения перед Днепром. Тяжелая это была работа, сломами, лопатами, топорами копали глубокие канавы до тех пор, пока не появились над головой немецкие самолеты. Помню, встала раньше всех, чтобы развести костёр и вскипятить чай, покрылась белым платочком и только костёр развела, послышался гул самолётов пролетающих над самой головой. Не сбросил бомбу фашист, полетел чуть дальше, на Вязьму.

4

Слайд 14

В сентябре нас погрузили в теплушки и отправили по домам. Дорогой несколько раз бомбили и тогда все выскакивали из вагонов и прятались по кустам. Так несколько раз было, добирались до дома целый месяц, только в сентябре оказались дома. Мне было всего 17 лет.

Паша Т.:

Слайд 15

Росляков Валентин Прокофьевич – танкист

- Меня зовут Валентин Прокофьевич Росляков. Родился 22 января 1916-го года в деревне Коптево под Тамбовом. В 1937-м году пошел служить в Красную армию.

Помню мою часть перебросили под Харьков, когда фашисты уже взяли Киев.

Бои были очень тяжелыми. Мы прилагали большие усилия, пытаюсь остановить противника хоть на день, хоть на два, чтобы получить возможность укрепить нашу оборону на новых рубежах и успеть вывезти и обустроить военные заводы глубоко в тылу. Но силы были не равны, приходилось отступать.

Слайд 16

Пришлось дня два за Ростов биться... Мы дошли до окраины Ростова, это в районе аэродрома. А там, оказывается, подошло уже очень много немцев с техникой: не менее 100 танков и пехота, посаженная на бронетранспортеры. Такая силища! Много наших танков было подбито, в том числе и мой Т-26.

Илья Н.:

Слайд 17

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

К.Симнов

Слайд 18

Песня «Молитва» исп. Миронова Т.Н.

Саша С.:

Слайд 19

Ольга Захарова:

25 июня 1941 года я пришла в райком комсомола, решила добровольно пойти на фронт. Там я и увидела его, у него были красивые серые глаза и кудри пшеничного цвета, там и познакомились.

Слайд 20

Меня на фронт не взяли, сказали, что «пока без баб обойдутся». Я поступила на курсы радисток, а Антон, записавшись добровольцем, проходил ускоренное обучение военному делу. Мы увиделись еще два раза, через две недели я провожала его на фронт. Потом случайно встретились на войне, в начале 1942 года под Боровском. Сразу решили пожениться.

Нас расписали в каком-то местном совершенно разрушенном райсовете. Ни фаты, ни платья, ни кольца не было, конечно.

Слайд 21

Добрая старушка, которая расписала нас и выдала смешную справку о том, что я жена, сняла с пальца свое колечко с маленьким камушком и почему-то отдала мне. Утром мы сфотографировались и расстались. Навсегда. Антон погиб в 1944 году. А я все живу и помню. Я все-таки счастливая, теперь многим меня не понять...

7

Полина К.:

Слайд 22

Анна Сахарова:

В октябре стало совсем сложно. Многие уезжали из Москвы, а мы остались. Маме одной с тремя детьми было бы тяжело куда-то ехать, и она всегда говорила, что дома и стены помогают.

Мне было девять лет, сестрам — семь и четыре. Мама сутками пропадала на заводе, приходила поздно ночью. Во время воздушных тревог мы прятались во дворе, в специально вырытых щелях, в которых приходилось сидеть по несколько часов.

Слайд 23

В тот вечер была тревога, мы прыгнули в эту яму, и маленькая Катя подняла с земли большой металлический крест, который, видимо, кто-то выронил. Мы забрали его домой, отмыли и решили оставить у себя. Просто не знали, что с ним делать.

В эту ночь мама не пришла домой. Младшая сестренка Катя спала, а мы с Наташей до утра просидели у двери. Было страшнее, чем во время бомбежки. Наташа все сжимала крест и что-то шептала.

Слайд 24

Мама погибла по дороге домой, а похоронку на отца мы получили еще в сентябре. Мы остались одни, и этот обретенный в час гибели нашей мамочки крестик стал нашим семейным талисманом. Иногда мне кажется, что это мама его нам отправила.

Мы не попали в детский дом, нас забрала сестра мамы. Мы выжили, выросли, вышли замуж. У нас дети, внуки, мы и правнуков дождались. А крестик я подарила правнучке. Ее зовут Маша, как маму...

Анфиса Я.:

Слайд 25

1942-й. Киргизия. Небольшое село Курменты. Именно сюда прибыли эвакуированные из блокадного Ленинграда сто пятьдесят человек. Человечков. Опухших от голода дистрофиков, с тоненькими шеями и большими головами малышей-блокадников, многие из которых от слабости уже не могли сами ходить. Из взрослых — трое сопровождающих: директор детского дома, воспитатель и медсестра. Детям было от полутора лет до 12. Их везли долго-долго, на грузовиках, в вагонах, на барже, на бричках...

8

Слайд 26

Они не умерли в дороге, добрались все 150. А потом все 150 дожили до Победы, выучились, стали взрослыми... Это было настоящее чудо. И чудо это совершила девочка. Истощенных сирот спасла их новая **семнадцатилетняя** мама, или, как звали её старшие девочки, Тоня-эже — так в Киргизии принято обращаться к старшей сестре. Токтогон Алтыбасарова — вот ее полное имя.

Слайд 27

Кормить детей было нечем. Токтогон пошла по дворам. Обошла каждый дом. И односельчане, обделяя собственных детей, понесли в барак последнее, что было дома — кумыс, сыр, молоко, картошку, свеклу...

Но еду мало принести — нужно еще чтобы дети её съели. У некоторых не было сил даже на это. Токтогон давала маленьким по две-три чайных ложки молока в час — больше нельзя, слишком сильное истощение. Не выдерживала, выбегала из барака, ревела от жалости и бессилия. А дети звали её обратно и тоже плакали — от голода, от того, что вспоминали бомбежки, от того, что рядом нет и уже не будет никогда родной мамы. Токтогон возвращалась и продолжала кормить.

Слайд 28

Токтогон Алтыбасарова прожила с детьми все десять лет, пока работал детский дом. Блокадники окрепли, закончили школу, потом разъехались по всему Союзу и писали маме Тоне письма. Приезжали, навещали.

В парке Победы имени Даира Асанова в Бишкеке стоит памятник, на котором высечен образ Токтогон. В Санкт-Петербурге собираются увековечить её имя.

Слайд 29

Видеоролик с Джамбулом Джабаевым «Ленинградцы, дети мои»

Даня К.:

Слайд 30

Симонов К.

23 августа 1942 г. в 16:18 самолеты 4-го германского воздушного флота начали массированную бомбардировку Сталинграда, произведя в течение дня 2 тысячи самолетовылетов. Город был полностью разрушен. Погибло более 40 тысяч мирных жителей.

Слайд 31

Город горел. Он горел ночь, весь следующий день и всю следующую ночь. И хотя в первый день пожара бои шли еще за шестьдесят километров от города, у донских переправ, но именно с этого пожара и началось большое сталинградское сражение, потому что и немцы и мы — одни перед собой, другие за собой — с этой минуты увидели зарево Сталинграда, и все помыслы

обеих сражавшихся сторон были отныне, как к магниту, притянуты к горящему городу.

...На третий день, когда пожар начал стихать, в Сталинграде установился тот особый тягостный запах пепелища, который потом так и не покидал его все месяцы осады. Запахи горелого железа, обугленного дерева и пережженного кирпича смешались во что-то одно, одуряющее, тяжелое и едкое. Сажка и пепел быстро осели на землю, но, как только задувал самый легкий ветер с Волги, этот черный прах начинал клубиться вдоль сожженных улиц, и тогда казалось, что в городе снова дымно.

Сережа М.:

Из воспоминаний В.И. Чуйкова

Слайд 32

...Бой в городе – это особый бой. Тут решает вопрос не сила, а умение, сноровка, изворотливость и внезапность. Городские постройки, как волнорезы, разрезали боевые порядки наступающего противника и направляли его силы вдоль улиц. Поэтому мы крепко держались за особо прочные постройки, создавали в них немногочисленные гарнизоны, способные в случае окружения вести круговую оборону. Особо прочные здания помогли нам создать опорные пункты, из которых защитники города косили наступающих фашистов огнем пулеметов и автоматов.

10

Слайд 33

Чувствуя приближение конца жизни, я в полном сознании обращаюсь с просьбой: после моей смерти прах похороните на Мамаевом кургане в Сталинграде, где был организован мной 12 сентября 1942 года мой командный пункт.

...С того места слышится рев волжских вод, залпы орудий и боль сталинградских руин, там захоронены тысячи бойцов, которыми я командовал...

27 июля 1981 г. В. Чуйков. Из письма в ЦК КПСС

Слайд 34

Танец «Довоюй, родной! – ансамбль Молодость

Гоша С.:

Слайд 35

Бугаец А., старший лейтенант, 1959 г.

Я решил написать вам о подвиге безымянного русского человека, о высокой его душе и большом сердце. Ко мне в руки попал блокнот со стихами неизвестного узника концлагеря Заксенхаузен, найденных в его развалинах, немецким гражданином Вильгельмом Германом. Имени героя пока установить не удалось.

Слайд 36

Судя по найденным строкам, он попал в лагерь примерно в 1943 году. Дома у него остались жена Нина и сын. Вильгельм Герман показал мне место, где был найден блокнот. Раньше здесь был барак, а теперь остались лишь груды кирпичей.

11

Во время разговора к нам подошел Владислав Станик, экскурсовод, в прошлом узник Заксенхаузена, проводший здесь несколько лет.

Слайд 37

- Здесь сидели самые хорошие люди – сказал Станик, - коммунисты, активные борцы за рабочее дело. Узники были прикованы к полу цепью длиной около метра. Снаружи на бараке сохранились крючки, где подвешивали заключенных во время пыток: целый час человек должен был висеть на руках, связанных за спиной. Когда встречаешь русского человека, хочется снять перед ним шапку. Русские вели себя в плено гордо, независимо, не смотря ни на какие мучения. Это действительно мужественные люди, герои.

Слайд 38

Бывший лагерный врач Гейнц Баумкеттер, проводивший в лагере опыты над живыми людьми и осужденный за эти преступления Советским военным трибуналом, после передачи его как военного преступника властям ФРГ был

освобожден. Он работает теперь врачом в городе Изерлон. Разгуливает на свободе и бывший ответственный сотрудник ГЕСТАПО Эрвин Брандт, возглавлявший специальную комиссию по уничтожению политзаключенных в Заксенхаузене. Сейчас он занимает ответственный пост на крупной промышленной предприятии Дюссельдорфа. Эти люди носятся с бредовыми планами нового «похода на Восток»..

Слайд 39

Но люди ничего не забыли, они помнят и Освенцем и Заксенхаузен. Памятью павших клянутся они отстоять мир. И они отстоят его!

Артем С. Или Саша Сибрин???:

Неизвестный поэт концлагеря

Слайд 40

До последней минуты.

Сердце гонит упрямо тревогу

И, напомнив родное опять,

Отвергает те мысли, что могут

Завтра утром меня расстрелять.

Я прислушался к голосу сердца,

И надежда с мечтой за одно

Уверяет, что мне перед смертью

Повидать еще раз суждено

Все то милое и дорогое,

Что осталось вдали от меня...

Но услышу ль я слово родное,

Доживу ль до победного дня?

Жить так хочется. Молодость, где ты?

Возвратишься ли жизнью ко мне?

Не могу отыскать я ответа

Здесь в тоскливой ночной тишине.

Что ж и смертной тревогой опутан,

Не мечтая о лучшей судьбе,
Я до самой последней минуты
Буду верен, Отчизна, тебе!

Алиса Б.

Галина Зайцева

Слайд 45

Это была Смоленщина.

Когда пришли немцы, я была с бабушкой, без родителей. Мне было 2 года. Вначале всё было спокойно, но 2 октября нас забрали.

Сначала мы были в Белоруссии недели две, потом нас погнали к Литве. Но по весне нас повезли дальше. Мы побывали в Польше и оказались в Кёльне. Здесь был мой концлагерь, мой страх и ужас на всю жизнь.

Слайд 46

Все были взрослыми, даже в таком возрасте — в три года — уже понимали, что надо вести себя тихо и молчать. Никаких капризов — даже не знали, что это. Когда я попала туда, я хорошо понимала, что происходит и где мы. У нас в концлагере были дети от трёх до 14 лет, в основном доноры. Немцы у нас брали кровь. Все наши надзиратели были женщинами. Они особо зверствовали. Мы иногда старались смеяться, веселить друг друга, но нас за это били, чтоб шума не было. Особенно нас наставляли старшие ребята четырнадцати лет, что нельзя было плакать, а то убьют. Они говорили: "Не плачь, а то будет хуже", — шёпотом успокаивали. Наставляли: "У кого что болит — не говори, нельзя". Все говорили тихо. Все друг друга поддерживали и делились.

13

Слайд 47

Дети сами умирали, потому что было невыносимо, еды не было, нам было плохо. Так продолжалось два года. Когда мне исполнилось пять с половиной лет, все старшие ребята смеялись, а мы спрашивали, чего смеются. Они отвечали: "Победа, наши войска пришли". И когда наша часть ворвалась, парни молодые, солдаты, кричали: "Дети, не бойтесь, дети, мы домой вас сейчас будем отправлять". Они нас накормили. Это было такое счастье!

Моё самое яркое воспоминание — когда кричали, что мы победили. Мы так прыгали и так плакали. Не все вернулись домой, многие заболели и умерли моментально — наверное, тиф был. Кто-то доходил до дома и в течение двух недель умирал. Но кому-то удалось вернуться. И возвращались ещё через год-два после окончания войны. И знаете, ведь всё равно приходили все на Родину. А в Москве, когда праздновали Победу, все так плакали, все так кричали. Это такой праздник был!

Песня «Весна 45 года» - 7 м (солисты)